

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Добронравов К.О. Интроверсия публичного пространства: звук, свет, мысль // Философская мысль. 2025. № 12.
DOI: 10.25136/2409-8728.2025.12.77179 EDN: XNVVYK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77179

Интроверсия публичного пространства: звук, свет, мысль

Добронравов Кирилл Олегович

ORCID: 0009-0003-8262-3024

кандидат философских наук

доцент, кафедра театрального искусства и социокультурных процессов; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

644031, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Омская, д. 149, кв. 58

✉ kirilldobronravov07@gmail.com

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.12.77179

EDN:

XNVVYK

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2025

Аннотация: Новизна исследования обусловлена тотальной интроверсией опыта под влиянием цифровых технологий, что требует переосмысления классических философских категорий. Феномены "интроверсии звука" (переход от концертного зала к приватным наушникам) и "интроверсии света" (от коллективного кинопоказа к персональным экранам) представляют собой не просто смену медиа, но фундаментальную перестройку восприятия и социальности. Параллельно этому происходит и миграция мысли – от публичной агоры к цифровой ленте, где ораторский жест заменяется публикационной активностью. Анализ этой тройной трансформации – звука, света и мысли – через призму диалектики приватного и публичного позволяет диагностировать ключевые конфликты и парадоксы современной культуры, связанные с автономией личности, природой общественного и новыми формами отчуждения. В основу исследования положен историко-философский анализ, совмещенный с анализом трансформации медиа-технологий. Метод включает диалектическое осмысление границы приватного и публичного (Декарт, Кант, Гегель) и феноменологическое описание технологических трансформаций восприятия (звук и свет) как ключевых медиаторов

приватного и публичного в современном мире. Автор демонстрирует, как эта метафизика света и слова секуляризуется в философии Нового времени, где рождается проблема автономного субъекта (Декарт) и его права на публичное применение разума (Кант). Ключевой фокус работы – анализ технологической «интроверсии» восприятия: звук, стремясь к максимальной публичной слышимости, в итоге мигрирует в приватное пространство личной аудио среды, а свет визуальных искусств, пройдя путь от публичной фрески и коллективного кинопоказа, инвертируется и локализуется в излучающих экранах личных устройств. Парадоксальным образом, технологии, расширяя доступ к контенту, ведут к индивидуализации опыта и размыванию традиционных границ между сферами. Пройдя процесс расширения потребление информации из публичного поля начинает носить приватный характер, в то время как приватного досуга самого для себя, не остаётся вовсе.

Ключевые слова:

приватное, публичное, субъект, технологии, интроверсия, медиа, мысль, звук, свет, досуг

Введение

Наше мышление основано на способности различать как внешние явления, так и собственные состояния и чувства. Указать на различие — значит провести анализ, отделить одно от другого, обозначить границу, разделяющую пространства (а также мысль об одном предмете от другого), но одновременно — и связь между ними. Граница оформляет, делает важные для жизни предметы видимыми, определяя их. Как писал Гегель: «Знание о границе возможно лишь постольку, поскольку неограниченное существует в сознании по эту сторону» [1: с. 182]. В связи с этим, движение и отражение в пространстве всегда ограничено теми границами, с которыми движимое соприкасается. Эти границы позволяют лучше понять и, следовательно, осознать свои возможности по конструированию пространств для наилучшего раскрытия различного (движимого) в них.

По Гегелю, мышление способно осмыслить собственную ограниченность и выйти за её пределы; в отличие от материальной среды, оно бесконечно. Поэтому мы можем наблюдать, как сознание делит мир и жизнь человека на внутренние и внешние границы. Деление жизни на различные пространства, внутри которых она протекает, — это логика Нового времени, представляющая собой секуляризованную форму христианской метафизики света и слова.

Вспомним, с чего начинается творение мира, согласно Библии: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» [2, Бытие: 1:3-5]. Бог проводит границу словом. Он называет предмет, чтобы сотворить его, увидеть, возрадоваться ему и отделить от остального мира.

Человек подобен Богу в способности называть предметы. Первый человек дал имена животным, пока Бог отдыхал. Сам же Адам обрел имя лишь с появлением Евы. Осмелюсь предположить, что они дали имена друг другу. Таким образом, возник второй уровень языка – менее совершенный, потому как, в отличие от языка божественного, он требует постоянного проговаривания для поиска, установления и углубления истинных границ

меняющегося мира. Граница, которая возникает благодаря языку, – не абстрактная и произвольная; она требует ответственности от людей. Её на себе несет каждый человек, задачей которого является проверка и удостоверение в правильности этих границ при помощи разума, который освещает окружающие явления.

Метафора света и слова раскрывает закрепленное христианской культурой значение мышления. Процесс называния доставляет эстетическое удовольствие. Выделяя нечто из ничто, мы переносим его в бытие, создавая мир, в котором живем. Не случайно Эпоха Просвещения в дословном переводе означает «le Siècle des Lumières», или «Век Света», – это эпоха, в которую происходило бурное развитие технологий, научной мысли и освоение мира. В христианстве жизнь человека делится на несколько пространств: «Отдайте Кесарю кесарево, а Божие Богу» [\[2, Мф. 22:21\]](#), как и история – на "до" и "после" рождения Христа.

Разделённость жизни между приватным и публичным пространством, которые не всегда совпадают, а порой и противопоставлены друг другу, порождает различные проблемы и противоречия. Над ними размышляли и о них спотыкались политические деятели и мыслители прошлого. Эта разорванность между внутренним миром собственной души и внешним миром отношений с другими людьми: семьей, обществом, государством — всегда была сложной задачей для мыслящего человека. Так, реальной опасностью выступает подчинение приватной жизни публичной воле государства и общества; и это не пережиток архаической эпохи, не выдумки антиутопистов, а одна из тенденций настоящего времени. Другая крайность также присутствует в современности, а именно — вытеснение публичного из жизни и господство приватного, что грозит эгоизмом, разрозненностью и разобщенностью людей. Кто как не интеллигенция формирует наше представление о возможностях публичной деятельности, и кто как ни она указывает на насыщенность внутренней, закрытой от посторонних, — приватной жизни. Возможно, обращение к онтологическим основаниям этой проблемы даст ключ к новому пониманию её. Как эти две сферы человеческой жизни связаны друг с другом? Как технологии меняют соотношение между ними? Как изменяется граница между приватным и публичным пространством в последнее время?

Для ответа на эти вопросы попробуем разобраться в том, как за последние двести лет трансформируется пространство.

Интроверсия звука

Чтобы быть услышанным, звуковая волна преодолевает пространство. Одни поверхности его отражают, другие поглощают, а отсутствие препятствий ведёт к рассеиванию в пространстве. Можно сказать, звук путешествует, а мы иногда оказываемся у него на пути.

Музыканты всегда стремились управлять этим процессом. Классический состав симфонического оркестра с большим количеством струнных, электрогитары и микрофоны – всё это способы усилить звук для выступления в большом помещении. С появлением звукозаписи люди стали реже ходить на концерты, предпочитая слушать музыку дома. Ведь если когда-то появление пластинки, воспроизводящей технически записанный звук, или трансляция его по радио вызывали ажиотаж, то сегодня это является просто фоном нашей жизни.

Система Dolby, начавшая свой путь в 1960-х, превратила квартиру в сложное акустическое пространство. С переходом на цифровые технологии, зрителю предложили уже не просто стереоэффект, а полноценный эффект кинотеатра прямо на диване.

Звукоинженеры научились создавать иллюзорные пространства, чтобы звук идеально распространялся в помещении. Их цель – убедить нас, что мы не дома, а в самой гуще событий. Общее звуковое поле формирует и общие, разделяемые с другими переживания. Посещать концерт или кинотеатр для этого больше не требовалось.

В 1979 году Sony выпустила портативный плеер Walkman и музыка пошла дальше, преодолев стены домов. Его идейные преемники – iPod и iPhone от Apple – сделали так, что под рукой у каждого оказалась вся музыкальная библиотека мира, а не только купленный в магазине диск. Так камерный опыт домашнего прослушивания перенёсся в открытое публичное пространство, приобретая новые качества: индивидуальность, мобильность и приватность.

Среди внешнего шума города наушники создают внутренний кокон, который не приходится делить ни с кем. Плеер поставил под сомнение, если не вовсе отменил, привычные представления о внешнем и внутреннем, мобильности и статичности, центре звука и его периферии. Это сильно повлияло на стирание границ между частным и публичным – даже в вопросах музыкальных вкусов и предпочтений.

Звук стал чем-то, что не имеет акустического объема, не соприкасается с воздухом и не отражается в пространстве. Его больше никто, кроме нас, не слышит и не знает о его существовании. Он стал рождаться так близко к голове слушателя, что его теперь можно... носить в себе. Благодаря плееру человек получил возможность стать акустическим эпицентром мира, независимо от своего местоположения и того, что происходит вокруг.

Опыт прослушивания музыки, книги или лекции стал одиноким, личным и даже интимным. А публичные выступления превратились скорее в акт общения с музыкантами, чем в единственный способ услышать качественный звук.

Стремясь усилить громкость, чтобы быть услышанным как можно большим числом людей, звук в итоге почти исчез из публичного пространства – чтобы оказаться в наушниках у каждого конкретного человека.

Интроверсия света

В отличие от музыки, архитектуру и живопись Г. В. Ф. Гегель относит к пространственным видам искусства. Если архитектура изначально носила публичный характер, оформляя жизнь городского жителя, наглядно демонстрируя пространство возможностей, режим безопасного сосуществования в общественных местах и недостижимость скрытых от взора частных владений, то живопись, напротив, развивалась в ином ключе. Архитектура позволяет формировать границы приватности через чередование прозрачности и закрытости, размыкания и замыкания стен, а также через игру света – будь то естественное освещение из окна или искусственный свет от колебания пламени в камине и настольных ламп.

Светская живопись с самого момента своего появления в истории европейского искусства работает преимущественно в ограниченных пространствах. Она рассказывает

зрителям историю взгляда на античные мифологические сюжеты, события Священного Писания, природу, предметы домашнего убранства и портреты известных личностей, часто оставаясь в собственности этих же личностей. Она стремится воспроизвести логику света и тени, управляя движением взгляда зрителя. Не все достойны предстать перед взором потомков, а потому пространство академического искусства не терпит и тени сомнений, стремясь к детальному изображению нюансов эмоций и драпировки тканей, будто освещенных кистью художника.

В XIX веке список тем в живописи значительно расширяется: на полотнах появляются не только богатые и выдающиеся личности, но и крестьяне, рабочие, духовенство и беднота. Теперь краски оживляют не только известные сцены библейской истории, но и тёмные, неприглядные стороны человеческой жизни. Одной из целей художника становится донесение правды, её распространение и тиражирование. Однако фотография, будучи искусством механическим, справлялась с этими задачами куда быстрее и нагляднее.

Как писал Х. Сантаяна в 1905 году: «фотография – это физический слепок, целью которого является воспроизведение опыта, а не его интерпретация. Фотография есть лишь техническое искусство» [\[4, с. 148–149\]](#). И, будучи искусством техническим, подобно звукозаписи, её задача — захватить свет и воспроизвести его на другом носителе. При этом механизированность отражения света в процессе съёмки высоко оценивал режиссёр и мыслитель А. Базен, выражая восторг перед возможностями кино: «Только объектив может дать нам такое изображение предмета, которое способно освободить из глубин нашего подсознания вытесненную потребность, заменить предмет даже не копией, а самим этим предметом, но освобожденным от власти преходящих обстоятельств» [\[3, с. 45\]](#). Задача такого искусства — продемонстрировать обществу мир, освобождённый от утилитарного отношения, от случайности мыслительных процессов и игры светотени, в которых суть явления затемняется или остаётся незамеченной.

Технические возможности для детализации, широты охвата и выбора ракурсов расширяются с каждым годом, а сами фотографии всё больше проникают в нашу жизнь, делая изображения нас самих всё более приватными и независимыми ни от кого, кроме нас (что ярко иллюстрирует феномен селфи).

Однако существует и радикальное отличие в движении света при восприятии фотографии и кино. Для кинематографа требуется тёмное пространство; подобно тому, как музыка требует тишины, кино нуждается в темноте, а темнота традиционно соотносилась со сферой приватного и личного. Несмотря на это, кино сначала появляется как публичное искусство и лишь впоследствии оказывается запёртым в наших уютных квартирах, смартфонах и ноутбуках.

С уходом большого экрана уходит и практика коллективного просмотра. Само произведение искусства перестаёт отражать свет или быть отражённым светом. Благодаря экранам оно начинает этот свет излучать, в результате чего происходит инверсия света. Пустое пространство — это не белый лист или белый экран, а чёрный экран, становящийся абсолютным нулём света.

«Киношок», «киносенсация», «кинореволюция» — так могли говорить в ту эпоху, когда выход фильма на большой экран был событием, а поход в кинотеатр — совместной формой досуга. Сегодня эта форма досуга растворилась в индивидуальной ленте коротких видео в социальных сетях и в очках виртуальной реальности, таких как Apple Vision Pro или Oculus. Вот так свет, стремясь быть увиденным каждым, оказался

источником самого себя и расположился максимально близко к человеческому глазу.

С философией и поэзией произошло то же самое. Античные ораторы, чей успех зависел от силы голоса на площадях и в амфитеатрах, сегодня «ведут» свои каналы в социальных сетях — и тихо говорят наедине с каждым, кто действительно хочет услышать.

Однако их мысль проделала не менее захватывающее путешествие — от публичного к приватному.

Экстраверсия и интроверсия мысли

В философии осмысление границы между приватным и публичным особенно остро обозначилось в Новое время. Именно тогда искусство и философия обратились к человеку, который стал субъектом, противопоставляющим своё «Я» объективному миру. Вместе с субъектом появилось и мировоззрение — как особая точка зрения на мир. Таких точек зрения становилось всё больше, что привело к утверждению ценности индивидуальной оптики, которая начала преобладать в живописи (с появлением прямой перспективы), литературе и музыке. Такой неповторимый индивидуальный взгляд, оценивающий мир, стал поднимать тему разделения жизни на публичную и приватную.

Декарт одним из первых в Новое время поставил проблему подлинности существования собственного «Я». Он пришёл к выводу, что индивидуальное сомнение доказывает индивидуальное мышление, а следовательно, — существование его носителя, субъекта. Всё остальное в мире — лишь отражение и рефлекс. Но как возможно действовать в реальном мире, опираясь на мышление, которое к нему не сводится?

В «Рассуждении о методе» Декарт пишет о трёх необходимых правилах морали, которые важно соблюдать, «для того, чтобы не быть нерешительным в действиях, пока разум обязывает в нерешительности в суждениях, и чтобы иметь возможность прожить это время наиболее счастливо» [\[5\]](#).

Первое правило: «...повиноваться законам и обычаям моей страны, неотступно придерживаясь религии, в которой, по милости Божией, я был воспитан с детства, и руководствуясь во всем остальном наиболее умеренными и чуждыми крайностей мнениями, сообщая выработанными самими благоразумными людьми, в кругу которых мне предстояло жить» [\[5\]](#).

Второе правило: «Оставаться настолько твердым и решительным в своих действиях, насколько это было в моих силах, и с не меньшим постоянством следовать даже самым сомнительным мнениям, если я принял их за вполне правильные» [\[5\]](#).

Для этого Р. Декарт предлагает третье правило: «Стремиться побеждать скорее себя, чем судьбу, изменять свои желания, а не порядок мира и вообще привыкнуть к мысли, что в полной нашей власти находятся только наши мысли и что после того, как мы сделали все возможное с окружающими нас предметами, то, что нам не удалось, следует рассматривать как нечто абсолютно невозможное» [\[5\]](#).

Р. Декарт полностью отрицал свободу в вопросах, касающихся публичной сферы. Чтобы описать свои правила морали, он уподобил мыслителя страннику, который блуждает в пространствах общественных и мыслительных. Такой странник всегда чужд обществу, в котором живёт. Подлинная жизнь человека и философа проходит в сфере свободного досуга, сфере мысли. Это область приватного, где человек может отдалиться от мирских

дел, взглянуть на себя со стороны и, лишь полностью построив "дом истины", получить право делиться ею с обществом.

Уже в эпоху Великой Французской революции И. Кант продолжил развитие идеи Декарта, понимая чрезвычайную важность вопроса о разделении публичного и частного (приватного). Для Канта сущность Просвещения состоит в свободе публично пользоваться своим умом без руководства со стороны другого. Однако такая свобода ставит под вопрос необходимость общества и государства как систем отношений, которые строятся на подчинении. «Но вот я слышу голоса со всех сторон: не рассуждайте! Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте! Здесь всюду ограничение свободы» [\[6\]](#).

Антиномия свободы и необходимости волновала И. Канта на протяжении всего периода критической философии. Если природа – царство необходимости, то почему человек не свободен в мире культуры? Чтобы обозначить границы свободы человека, Кант обратился к двум сферам жизни человека, двум способам применения разума: публичному и частному. «Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как ученым, перед всей читающей публикой» [\[6\]](#). Такая деятельность ученого, священника или солдата не должна наносить ущерб механизму общественного управления. Условием свободы публичного применения разума является полная независимость от политики. Человек может высказывать замечания или предложения по переосмыслению церковных правил, философских систем и политической власти, но только когда он свободен от службы и может пользоваться публично своим разумом.

Далее немецкий философ пишет: «частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему гражданском посту или службе» [\[6\]](#). На службе, за кафедрой, на заводе, в церкви человек должен исполнять свои обязанности и правила. «То, чему он учит как священнослужитель, он излагает как нечто такое, в отношении чего он не свободен учить по собственному разумению, а должен излагать согласно предписанию и от имени кого-то другого» [\[6\]](#). В случае трудного вопроса он способен ответить, но только ссылаясь на авторитет церкви. Он как священник не может быть свободен, так как его задача — передавать истину, заложенную в Священном Писании. После службы он свободен размышлять и предлагать реформы по преобразованию церкви.

Человек может самостоятельно ставить и достигать цели, чертить и перечерчивать границы между явлениями, проговаривать их не только себе, но и другим. В конце XVIII века приходит осознание сложной взаимосвязи между приватным и публичным. Понимание приватной сферы, зародившееся на заре христианства, обретает новый оттенок: приватное переходит в своё иное, раскрывая внутреннюю динамику публичности. Приватное даёт возможность публично и осознанно пользоваться своим умом без руководства со стороны другого для всеобщего блага. Публичное же позволяет принять необходимость не в отрыве от других, а сообщая, и, используя всё многообразие точек зрения, научиться свободно мыслить наедине с собой.

Многие будущие философы, писатели и публицисты получали блестящее образование оказались в ситуации, где от них требовалось служить отечеству, но в тайне от государства заниматься публичной деятельностью — развивая идеи республиканизма, социально-экономических реформ, — они обнаружили разрыв между реальным

публичным и приватным пространством и той его концепцией, что ранее была описана И. Кантом. Целью их деятельности было преодоление общественных границ мысли, расширение пространства свободы, конструирование новых социальных условий для совместной жизни после Французской революции. Подобно звуку и свету, их голос мысли рассеялся в пространстве. Публичные мыслители оказались скорее во Франции Декарта, за двести лет до своего рождения, чем в России, Польше, Франции. Однако история движется неравномерно, и их эхо было услышано и подхвачено другими. Спустя несколько десятилетий этот эхо-сигнал, этот знак, распространился, подготовив Европу к началу большой внутренней работы по конструированию пространства для наилучшего движения просвещенной философской мысли. Под влиянием распространявшихся образования, массовых форм печатного дела, а в последствии радио, телевизионного вещания и интернет-пространства – каждый получил доступ к дискуссиям, коммуникации и солидаризации по поводу идей и смыслов, для создания проектов будущего развития общества.

В связи с этим государство начинает активно контролировать пространство публичных дискуссий. В XX веке движение мысли то и дело спотыкается о среду, путешествуя по закоулкам всего доступного ей публичного поля находясь во внутренней миграции, а XXI несет отпечаток этих путанных путей, который нет-нет, а возможно сойдутся благодаря новым возможностям коммуникации между людьми, которые одновременно ограничивают и создают условия для настоящей публичной мысли и деятельности.

Заключение

В результате трансформация звука, света и мысли привела к выводу о современной культуре как эпохе технологической приватности публичного. Историческое стремление к экспансии и коллективизации обернулось своей диалектической противоположностью. Цифровые медиа, выступая агентом этой интроверсии, осуществили фундаментальный синтез: они превратили публичные артефакты (музыку, кино, слово) в личные медиа-объекты, потребляемые в режиме одиночества.

Звук и свет, некогда организующие коллективные пространства, сегодня работают на строительство индивидуальных сенсорных коконов. Наушники и персональные экраны становятся пограничными устройствами, которые не просто доставляют контент, а конструируют новую гибридную реальность — на уровне производства публичную, но перцептивное потребление которой происходит приватно. Мысль, следуя этой логике, также меняет свою природу: публичная дискуссия фрагментируется на миллионы микровысказываний в цифровых лентах, где монолог, адресованный алгоритму, заменяет диалог на агоре.

Таким образом, синтез передачи мысли, звука и света в технологическую эпоху заключается не в их исчезновении, а в их качественной метаморфозе. Они более не формируют единое публичное поле, что порождает беспрецедентный доступ к общему культурному наследию ведущий не к объединению, а к атомизации общества. Задача философской мысли сегодня — осмыслить возможность новой публичности в условиях цифровых технологий.

Библиография

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Перепечатано с издания РБО. Барнаул: День, 2007. 1159 с.

2. Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1974. Т. 1.
3. Базен А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972.
4. Фотография и мысленный образ // Метафизические исследования. Дагерротип. Вып. 214. 2010. С. 145-155.
5. Декарт Р. Несколько правил морали, извлеченных из этого метода / Р. Декарт Рассуждения о методе // URL: <http://psylib.org.ua/books/dekar01/txt03.htm>
6. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // URL: http://budclub.ru/w/worotnikow_m_g/kant_aufklaerung.shtml

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является трансформация публичности и приватности в условиях современного технологического уклада. Проблема взаимодействия частного и публичного, начиная с XX столетия, не раз обсуждалась философами, социологами, исследователями культуры. Интерес к этой проблеме связан с глобальными изменениями в интерпретации субъект-объектных отношений. Автор статьи предлагает достаточно оригинальный ракурс рассмотрения вопроса – проанализировать метаморфозу публичной и частной сфер посредством анализа изменений получения доступа к информации в новую технологическую эпоху. Причем доступ к информации так же трактуется нетривиально – доступ к аудио-, видеоинформации и трансляции идей.

Методология исследования основана на философском подходе, автор рассматривает технологические новинки сквозь призму классических философских идей. Актуальность исследования связана с важностью осмысления онтологических, гносеологических и антропологических последствий нового технологического уклада. Однако необходимо отметить, что автор все-таки сосредоточен на анализе гносеологических последствий, так называемого, пятого технологического уклада, где ключевым фактором являются микроэлектронные компоненты. Было бы интересно узнать, как предложенная автором методология работает в условиях шестого технологического уклада, где основные технологии сосредоточены в нано- и био- областях. А, следовательно, свет, звук и мысль приобретают совершенно иные характеристики, ведь теперь технологии не «атомизируются», как определяет автор, сосредоточив в частном, субъективном пространстве доступ к любому типу информации. В нынешней ситуации атомизируется сам субъект и процесс мышления отделяется от индивида – пример тому эксперименты с ИИ. А с помощью света и звуков создается иная внетелесная субъективность – технологии дополненной реальности. Несомненно, будучи интересным примером анализа антропологической и гносеологической ситуации, тема статьи требует интеллектуального обострения. Ведь в ряде стран – Японии, Южной Кореи, отдельных регионах Китая – шестой технологический уклад является обыденностью и рутиной.

Научная новизна определяется спецификой рассмотрения технологических процессов, связанных с аудио, видео технологиями и коммуникациями, посредством гносеологического и философско-антропологического анализа.

Текст статьи изложен в научном стиле, автор демонстрирует очень высокий уровень философской рефлексии, научного анализа, системности изложения и исследовательской объективности. Текст статьи структурирован, все идеи последовательно изложены, представлены цели, задачи и выводы исследования. В

статье присутствует ярко выраженная личная позиция автора, основанная на глубоком осмыслении социальных процессов. Однако в некоторых случаях автор явно увлекается формулировками, выбиваясь из стиля научного изложения. Например: «Над ними размышляли и о них спотыкались политические деятели и мыслители прошлого».

Выводы статьи объективны и достоверны. Некоторое сомнение вызывает вывод в конце раздела об экстраверсии и интроверсии мысли, касающийся доступа индивидов в современном мире «к дискуссиям, коммуникации и солидаризации по поводу идей и смыслов, для создания проектов будущего развития общества». В духе философской рефлексии этот доступ логично было бы осмыслить критически – массовое общество обесценило знание и сконструировало его симулякр, который через множество каналов и доступен индивидам. Впрочем, автор завершает статью фразой о необходимости «осмыслить возможность новой публичности в условиях цифровых технологий», тем самым предполагая дискуссионность и открытость своих выводов, что добавляет интеллектуальную ценность статье.

Библиография, конечно, очень скупа – всего 6 пунктов. Это компенсируется авторскими выводами и рассуждениями в работе. Однако пп. 2 и 3 в библиографии необходимо дополнить указанием страниц.

Статья полностью соответствует требованиям, предъявляемым научным публикациям.